

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЯКУТОВ В XVII ВЕКЕ

(Легенды о Тыгыне и историческая действительность)

История племен Крайнего Севера в собственном смысле этого слова, т. е. как связное повествование об определенных конкретно-исторических событиях и лицах прошлого, исчерпывается теми отрывочными фактами, которые содержатся в сказаниях об отдельных племенных героях-хосуунах, о межродовых войнах и столкновениях. Все эти разрозненные факты не могут быть объединены в целостной исторической картине и в каком-либо определенном хронологическом порядке, хотя бы они относились даже и ко времени, непосредственно предшествующему появлению русских на севере.

Такая картина последовательной смены исторических событий раскрывается только для одного из северных народов — якутов, благодаря двум особым обстоятельствам, которые, несмотря на отсутствие письменных источников, позволяют с неожиданной полнотой и отчетливостью проследить историю этой народности в течение целых двух или даже трех веков до прихода русских на Лену, — случай, в таких условиях почти исключительный. Первым из этих обстоятельств является наличие у якутов вплоть до настоящего времени удивительно богатой и стойкой устной традиции. Второе такое обстоятельство — наличие замечательных записей якутских исторических преданий, сделанных еще в XVII—XVIII вв., и в особенности записей Я. Линденау, которые являются как бы своего рода настоящей устной хроникой якутов того времени, по своей точности вполне заменяющей обычные письменные документы. Оставляя пока в стороне драгоценные известия Линденау о происхождении якутов и времени их переселения на среднюю Лену, мы остановимся в данной статье лишь на одном, но чрезвычайно важном и вместе с тем до сих пор столь же спорном вопросе якутской истории — о знаменитом «якутском царе» Тыгыне¹. Сопоставляя современные предания и записи Линденау, можно восстановить всю историю этого якутского деятеля XVI—XVII вв., начиная с его ближайших достоверных предков — отца и деда, которые для якутов сороковых годов XVIII в. были еще ощутимо-конкретными лицами, не менее реальными, чем другой знаменитый якут, Василий Манчары, действовавший в половине XIX в., — для людей нашего времени.

Первым вождем якутов на средней Лене, согласно записям Линденау, был Баджей — дед Тыгына. В якутских легендах XIX—XX вв. он

¹ Ниже использована рукопись Я. Линденау «Beschreibung der Jakuten» (1741—1750 гг.) и предоплавленные в мое распоряжение для составления «Истории Якутии с древнейших времен» Институтом языка, литературы и истории Якутской АССР обширные рукописные материалы по историческому фольклору, в том числе записи С. И. Боло, выдающегося собирателя якутского исторического фольклора, которые были им частично опубликованы в сборнике «Прошлое якутов до прихода русских на Лену» (1937, на якутском языке) и входят теперь в подготавливаемое к печати новое издание «Исторический фольклор якутов».

носит наименование Дойдууса-дархан, что собственно является не личным именем, а, как уже не раз мною отмечалось, титулом. По данным С. И. Боло, этот Дойдууса-дархан иначе именуется Тюсюлгэ-дархан, т. е. дархан с тюсюлгэ — праздничным священным седалищем, устраиваемым из березок во время ысыаха. И это последнее наименование тоже, очевидно, является почетным прозвищем, которое и сохранилось до нашего времени в фольклоре, тогда как прямое личное имя его владельца — Баджей — исчезло из народной памяти. Причиной такого явления было, всего вероятнее, старинное якутское обыкновение избегать произношения имен покойников вообще, и в особенности самых уважаемых, знатных покойников, «оберегая» их во избежание тяжелых последствий нарушения подобного запрета. О Тюсюлгэ или Дойдууса-дархане (по нашему мнению — Баджее записи Линденау) в народной памяти сохранилось воспоминание как об исключительно богатом скотом и могущественном властителе, имевшем много воинов, хамначитов и рабов, жившем на коренных кангаласских землях, по одним данным — в современном Немюгинском наслеге б. Западно-Кангаласского улуса, по другим — на холме озера Сахары; владения его распространялись по левому берегу Лены от нынешнего г. Якутска до Покровска. Но, как утверждает предание, под старость, когда Тюсюлгэ-дархан окончательно одряхлел и седины его пожелтели, он был оскорблен или, вернее, оскорблен одним тунгусом из числа живших поблизости, которым прежде принадлежали эти места. «Происходивший от Омогоя-Эллея дед тойона Тыгына Тюсюлгэ-дархан, — с наивным простодушием рассказывает один из лучших сказителей, 92-летний Д. Е. Максимов, — весьма престарелый маститый старец, вроде меня, однажды сидел с растрепанными волосами, греясь перед камельком, как вдруг со двора зашли тунгусы, из которых один, возненавидев старца и глумясь над ним, положил свой срамный член ему на голову (или на шею). Испугавшись от неожиданности, Тюсюлгэ-дархан внезапно скончался»². После того, говорится в другом предании, тунгусы, считая себя победителями, вышли и с тех пор еще больше, чем прежде, размножились и расселились в этой стране.

О каком-то временном преобладании «тунгусов», т. е. аборигенов, рассказывают и другие легенды: «Эллей имел четырех сыновей: Муньян-дархана, Кюрсэн-дархана, Мэнги-дархана. Все четыре были храбрые и мужественные люди. В те времена в нашем крае жило много тунгусов. Сыновья Эллея, сроднившись с якутами (Омогой-бая), стали притеснять тунгусов. Последние промеж себя стали говорить: «раньше с якутами жили мирно и в добром согласии, а эти бродяги-пришельцы порочные и злые люди». Вскоре после этого тунгусы убили Эллея и всех его сыновей»³. Хотя рассказ о победе тунгусов над якутами и прерочен здесь ко времени Эллея, он, очевидно, относится к тем же событиям, о которых идет речь в предании о Тюсюлгэ-дархане, так как сразу же затем начинается речь о Тыгыне, как потомке Эллея и мстителе за кровь своих предков.

Как сообщает Линденау, после смерти Баджее место последнего занял его сын Мунджан, родившийся от одной из его четырех жен, по имени Кангалас. Имя Мунджана дошло в якутских преданиях вплоть до настоящего времени в форме Муньян. Ничего более, кроме его собственного имени, а также имен жен и сыновей Муньяна, Линденау об отце Тыгына не сообщает. В позднейших же преданиях Муньян как бы целиком сливается со своим сыном, и даже самое имя его переходит на

² «Тыгын и его предки». Записано С. И. Боло от Д. Е. Максимова из Немюгинского наслега Орджоникидзевогo района.

³ «Легенды Западно-Кангаласского улуса о своих предках». Записано 15 июня 1921 г. со слов М. Неустроева; 71 г., 3-й Малтанский наслег Западно-Кангаласского улуса (запись Г. В. Ксенофонтова). Хранится в архиве НИИЯЛИ ЯАССР.

...его, который так и называется в ряде легенд «Тыгын-Мунньан», где, во некотором данном, настоящее имя его было «Тыын», буквально — дыхание⁴.

Вокруг Тыгына, в лучах славы которого потонул не только его отец Мунньан, но и все остальные предшественники, исключая только одного божественного героя-первопредка Эллея, выросли многочисленные легенды и предания, сложился особый и наиболее обширный цикл исторического фольклора якутов.

В наиболее распространенных вариантах легенд о Тыгыне он изображается в виде богатыря-гиганта. Рост его был таков, что тень дерева в лунную ночь достигала лишь темной каймы грудных сосков, одно глазное яблоко весило тридцать фунтов, а расстояние между глазами равнялось двум четвертям аршина⁵. Такими же богатырями-гигантами были и сыновья Тыгына. Один из них Муос-уол имел крепкое, как рог коровы, тело, в котором было только одно уязвимое место в виде родинки, никому не известное, кроме его старухи-матери. В других вариантах легенд о Муос-уоле говорится, что он был лесным дикарем и его зачерствелую в лесу кожу покрывала густая косматая шерсть, как у лесного чудовища. Когда он спал в лесной чаще и вдыхал в себя воздух, окрестные деревья соединялись верхушками, а при выдохе они разгибались в разные стороны. Сердце его обросло хрящом и покрылось густой шерстью⁶. Второй сын Тыгына, Тас-уллунгах, т. е. человек с каменной пятой, назывался так потому, что имел ступню или пятку из камня или плотных сухожилий. Подобно первому своему брату он спал не дома, а на верхушке северной священной горы, которая и была его гнездом. Старуха-мать говорила о нем Тыгыну, что Тас-уллунгах растет богатырем с необычайно грубым характером и, когда он еще был в материнской утробе, то на седьмом месяце беременности прощупывал, сжимая рукой, ее печень и сердце. Даже и меньшие сыновья Тыгына, согласно преданиям, обладали такой силой и размерами, что во время войны с русскими отмахивались от пуль, как от назойливых насекомых. Вместе с тем Тыгын изображается в этих преданиях с чертами насильника и кровожадного деспота. «Это был очень сильный, коварный и злой человек, настоящий деспот», — говорит о нем в своей сводке преданий А. Е. Кулаковский⁷. «Тыгын был человек крайне своенравный», — пишет в своей сводке преданий М. М. Носов. «Прихотливый в домашней жизни, грубый в обращении с посторонними, он при своем колоссальном росте и невероятной силе наводил на своих простодушных сородичей страх. Не отличаясь особенным умом и благородством, он, тем не менее, благодаря указанным выше качествам, пользовался рабским преклонением перед ним якутов всей страны».

И действительно, легендарный Тыгын неустанно преследует другие роды и племена, убивает их воинов-богатырей, а также в ряде случаев

⁴ Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, стр. 2948—2949.

⁵ М. М. Носов, Предки якутов по преданиям потомков..., стр. 42. «Дыгын», Сборник якутского фольклора на русском языке, сост. Г. М. Васильевым, Архив НИИЯЛИ ЯАССР, опись 61, 1945, № 3.

⁶ М. М. Носов, Указ. раб.

⁷ «Дыгын». По записи А. Е. Кулаковского, Сборник якутского фольклора, сост. Г. М. Васильевым, № 3 (см. выше). Таким же образом описывается Тыгын в преданиях, записанных в конце XVIII и в начале XIX в. «Безмятежное сие правление (первых потомков Эллея.— А. О.), — говорится в «Описании якутов» 1822 г., — продолжалось до Тыгына, известного между якутами по одним только убийствам, грабежам и всякого рода насильям. Тыгын производил бесчинства свои не явно, но большею частью хитростью, нападая внезапно и не давая времени неприятелям своим собраться в одно место. Чтобы удобнее производить сии грабежи, он никогда на одном месте долго не останавливался, а ночевал на разных местах; где случалось отдыхать несколько суток, то думать надобно, что он окапывался или оставлял по себе следы дикого рода, которые, хотя истреблены, но якуты те урочища по преданиям называют «Тыгынскими стойбищами» (см. «Северный архив», «Журнал истории, статистики и путешествий», изд. Ф. Булгаринным, ч. 3, СПб., 1822, июль, № 13, стр. 204).

безжалостно истребляет их жен и детей, захватывает имущество побежденных и предаёт огню жилища. «Если где-нибудь, хотя бы в отдаленных улусах, появлялся сильный богатырь, Дыгын стремился сжечь его с бела-света. Для этого он посылал сильных ратных людей с приказом доставить богатыря живого или мертвого. Если посланные не имели успеха, то Дыгын отправлялся сам с войском. Таким образом, он убил многих славных богатырей»⁸. Жертвой кровожадного Тыгына стали даже и самые могучие из его собственных сыновей: Тас-уллунгах и Муос-уол, предательски убитые во время сна. В тех же случаях, когда Тыгын встречает более сильного противника — храброго тунгусского витязя, простодушного рыбака Бяртъ-хара или другого лесного богатыря, он попросту спасается от них бегством, вырезав заднюю сторону своего берестяного шатра — урасы.

Но зато впоследствии, когда Тыгын достигает глубокой старости, наступает возмездие. После первого появления русских, взятых Тыгином в работники и затем уплывших вверх по Лене под парусами, сыновья Тыгына, как рассказывает предание, обратились за предсказанием судьбы к шаманке Таалай, жившей у нынешнего «Талого озера» в г. Якутске. Боясь сыновей Тыгына, шаманка всегда превращалась при их приближении в большое пламя. Но на этот раз старуха согласилась на мольбу сыновей Тыгына, утетила свое пламя и, камлая, сказала им: «Беглецы уже доплыли до верховьев реки (Лены). Сидя на облаках, я вижу как они топорами с широкими лезвиями обтесывают бревна и говорят: «поедем к старику Тыгynu, сыну Мунньана, он людям не дает житья, всех угнетает и убивает»⁹. И действительно, вскоре наступает момент, когда с юга вновь появляются грозные враги-пришельцы, слуги могущественного царя, а вокруг Тыгына уже не осталось прежних якутских богатырей. Одни из них погублены Тыгином, другие сами покинули кровавого деспота-сыноубийцу, опасаясь его коварства и ярости. Задавленный бревнами гигантской ловушки Тыгын в предсмертном томлении с горечью вспоминает погубленных сыновей, но уже слишком поздно! В таких мрачных и трагических тонах изображается этими преданиями судьба Тыгына.

В какой обстановке возникли подобные легенды, разъясняет другой цикл исторических преданий о Тыгыне, древнейший образец которых сохранил Линденау. Предания эти рассказывают о действительной трагедии Тыгына и его народа перед приходом русских, о времени кровопролитных битв и междоусобий, которое вошло в фольклор как целый век «кыргыз-уйэтэ», окутанный маревом пожаров и дымящейся человеческой крови.

Как пишет Линденау, наследником титула и положения *топон-уса* после Мунньана по собственной воле последнего остался его младший сын Тыгын, занявший тем самым первенствующее положение (*айа Hertzharter und Verschlagener Mensch*) над остальными своими братьями. Старшие братья Тыгына были крайне раздосадованы тем, что отец отнял у них преимущество в наследовании его прав, и поссорились с Тыгином. Ссора же сыновей Мунньана вызвала волнение в народе: почти все якутские роды, говорит Линденау, пришли в возмущение. Междоусобная распря между наследниками Мунньана так глубоко всколыхнула якутский народ во второй половине XVI в., что отразилась даже и в позднейшем фольклоре, хотя уже зашифрованная условной формой эпического трафарета.

⁸ «Дыгын». По записи А. Е. Кулаковского. Сборник якутского фольклора на русском языке, сост. Г. М. Васильевым.

⁹ «Легенды якутов Западно-Кангаласского улуса в своих предках». Записано 15 июня 1921 г. со слов М. Неустрова, 71 г., 3-й Малгевский наслег Западно-Кангаласского улуса.

По словам таттинского сказителя Е. М. Егорова, молодой богатырь **Дыгына** встретил в северной тайге женщину — красавицу по имени **Ньырбакаан**, имевшую трех сыновей. Узнав о ней, отец Дыгына **Сыраан-бай** просил сына привести к нему **Ньырбакаан**, чтобы она стала у него **надежной**. Женщина **Ньырбакаан**, став женой **Сыраан-бая**, жила в отдельной уресе от остальных его жен, а сыновья ее попережнему уходили охотиться на север и возвращались домой с богатой добычей¹⁰. Однажды они увидели и убили дорогую птицу **Сар**. «В то время, — говорит сказитель, — птица **Сар** считалась очень дорогой птицей у якутов, означая либо счастье, либо что-то заветное». Сняв шкурку птицы, охотники прибили ее для просушки к первой (главной) матице дома. Когда Дыгын зашел к ним и увидел птицу **Сар**, он стал просить сыновей **Ньырбакаан**, чтобы те отдали ему заветную шкурку, но получил отказ. Тогда Дыгын рассорился с ними и силой схватил шкурку, сел на коня и попробовал ускакать с ней. Но в ответ на такой поступок Дыгына сыновья **Ньырбакаан** стали стрелять в него из луков. Отпрыгивая и отваливая от их быстрых стрел, Дыгын увидел, что острия стрел впивались в лиственницы до самого древка. Устрашенный этим Дыгын бросил шкурку птицы **Сар** и поскакал домой. Узнав о происшедшем, старуха **Ньырбакаан** решила, что ей с сыновьями здесь больше не будет житья, и бежала на **Вилюй**, где от нее произошел **Нюрбинский улус**¹¹. В другом варианте рассказа о **Ньырбакаан** говорится, что на **Вилюе** во времена **Тыгына**, «в окрашенное алой кровью боевое время», жили племена **Дыркиней**, «имеющие лица наподобие пятак», **туматы** и **тунгусы**. **Туматы** обратились к **тунгусам** с просьбой разрешить им поселиться рядом, но те отказали. **Туматы** напали на **тунгусов** — однако последние поголовно истребили **туматов**, «прикусив (их) кровью, набрав в рот запекшейся крови». Уцелела только одна девушка по имени **Ньырбакаан**, которая спаслась в яме, а затем бежала вниз по **Вилюю** в ветке брата. По дороге девушка ловила птиц силками из собственных волос и тем питалась. Доплыв до одиноких старика и старухи, **Ньырбакаан** сказала им, что ее родных истребил колдовством грозный шаман, и затем была принята стариками вместо дочери. Здесь ее встречает **Тыгын**, приехавший охотиться в тайгу, и потом рассказывает о ней своему отцу **Сытабаю**. По просьбе последнего **Тыгын** привозит девушку к нему, и он берет **Ньырбакаан** побочной женой. В дальнейшем от брака с **Сытабаем** у **Ньырбакаан** рождаются дети **Босхот-бэлгэтин**, **Тойук-булгудах**, **Брыа-быркынга**. В дальнейшем происходит ссора их с **Тыгynom** из-за шкуры «матерого зверя»¹². В других преданиях старуха-прародительница **вилюйских якутов** называется **Джардах** или **Джархан-эмяхсин**. Начало легенды о ней такое же, как и легенды о **Ньырбакаан**. **Джардах** происходит из племени **туматов**, жившего на нижнем **Вилюе**. Когда **туматы** были истреблены **тунгусами**, **Джардах** бежала от них вниз по реке, а затем явилась в резиденцию **Тыгына**, где и стала его любимой женой (т. е. женой **Мунньана**, отца **Тыгына**). После этого, когда у **Джардах** родились и выросли дети, старшие жены **Тыгына** из зависти начали подговаривать своих детей убить сыновей **Джардах**, а самому **Тыгynu** стали говорить, что **Джардах** с сыновьями подговаривает народ в свою

¹⁰ Эта часть легенды представляет собою древний миф о женщине, встреченной в лесу и приведенной охотником в его дом; в дальнейшем от нее происходит тот или иной род.

¹¹ «Дыгын-богач». Записано С. И. Боло от сказителя Е. М. Егорова, 82 лет, из Жулейского наслега Таттинского района (1933). В другом, усть-алданском варианте сыновья **Ньырбакаан** — братья **Тыгына** — ссорятся с ним из-за шкуры убитого им лося (тунгусский тойон **Хонуун** и **Дыгын-батор**. Запись С. И. Боло от Х. В. Гоголева, 72 лет, из Найахинского наслега Усть-Алданского района, 1936).

¹² «Ньырбака. Рассказ из времен **Тыгына**», Сборник якутского фольклора на русском языке, Архив НИИЯЛИ ЯАССР, № 61.

сторону¹³. Узнав об этом, Ньырбакаан с сыновьями решают бежать на Вилюй¹⁴.

Ньырбакаан и Джардах во всех этих преданиях, несомненно, являются одним и тем же лицом; они одновременно соответствуют и одной из трех жен отца Тыгына — Мунньана, по имени Джерган (Джархан), матери Каджага и Дёдидёра, о которой говорит Линденау. Повторяется здесь и рассказ о ссоре и последующем бегстве Джерган-Джархан с ее сыновьями на Вилюй.

Ход дальнейших событий, развернувшихся после ссоры Тыгына с братьями, рисуется в материалах Линденау таким образом, что, несмотря на все происшедшее, Тыгын долгое время стремился сохранять с ними дружбу и мир. Но зато Тыгын нещадно грабил и разорял другие роды, которые решились ему сопротивляться. Он имел, говорит Линденау, столкновения с борогонцами на озере Мюрю и на Алдане по дороге к Верхоянску; с батурусцами — на р. Татте и с бетюнцами (Buitusen) на реке Амге у речки Хатуя (Chatuja). Указания на агрессивную войну Тыгына со всеми перечисленными племенами содержатся и в позднейших преданиях, которые имеют особенную ценность потому, что в ряде случаев освещают ход событий не с точки зрения сородичей Тыгына — кангаласцев, а с точки зрения их врагов, так как записаны у потомков последних, в восточных улусах.

Столкновения Тыгына с борогонцами отразились, например, в легенде о Бэрт-хара. В варианте легенды, записанном от усть-алданского сказителя Д. М. Говорова о первой встрече людей Тыгына с Бэрт-хара говорится, что искавший своих лошадей парень Тыгына Бёдьёке-бёгё неожиданно увидел следы человека размером с днище берестяного ведра. Пойдя по богатырскому следу, он достиг борогонских земель и в местности Ханга нагнал богатыря, а затем, осмелев, толкнул его сзади грудью своего коня. Богатырь на это лишь слегка махнул левой рукой, и Бёдьёкё с конем отлетели в сторону с такой силой, что увязли в снежном сугробе. Простодушный Бэрт-хара обернулся, вытащил их из снега и, увидев очень важного человека в дохе из черных соболей, подумал, что на него напал лесной зверь, а потому поставил на ноги и обернул лицом на запад. Услышав рассказ Бёдьёкё, Тыгын решил «найти богатыря, попать его имя и пути, расплескать его счастье». Приехав с многими воинами к матери Бэрт-хара, Тыгын увидел огромный лук, которого не мог натянуть ни один из его воинов. Оказалось, что это был лук, из которого Бэрт-хара стрелял в детстве. Когда Бэрт-хара вернулся, он поймал быка, положил к себе на колени и сразу свернул ему голову, а затем тут же содрал с него руками шкуру. В то время, когда бык варился, на колени богатыря упало горячее полено, но Бэрт-хара даже и не заметил ожога. Тыгын побоялся везать по соседству с жилищем Бэрт-хара и уехал на озеро Мюрю, где и зимовал. Весной Тыгын устроил там ысыах и пригласил на него Бэрт-хара, которому вручил берестяной сосуд с кумысом, куда был вставлен мелко нарезанный конский волос. В то время, как богатырь сидел и пил, Тыгын ударил его мечом, целясь в основание шеи. Но Бэрт-хара обернулся от удара, даже не расплескав напитка. Когда этот предательский удар повторился, Бэрт-хара хотел в гневе заколоть вальмой всех находившихся в уресе и оставил свое намерение только после долгих уговоров Тыгына. Во время празднества Бэрт-хара собрал всех лучших

¹³ Согласно якутскому обычному праву, «дети от старшей жены пользовались большими правами, нежели дети от младших жён». Несомненно, этого правила в данном случае, очевидно, и объясняется конфликт (Н. А. Вятковский, Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права, Труды Комиссии по изучению ЯАССР, IV, Л., 1929, стр. 173).

¹⁴ «Предание о заселении якутами Вилюйского края». Запись М. Н. Тимофеева-Терешкина от Накатта Васытия, 80 лет, из Куттарского наслега Сунтарского улуса.

Тыгына в играх и стрельбе из лука. После окончания игр и соревнований, ночью, когда Бэрт-хара крепко спал, Тыгын разобрал половину урасы и бежал через отверстие. Погнавшись за ним, Бэрт-хара и его сородич Кылыса-сюрюк догнали людей Тыгына у озера Бейдингё Тийт и отогнали две трети их скота, а сам Тыгын, «не заботясь о скоте — пище», пустился в бегство¹⁵.

В других преданиях говорится, что на обратном пути от Бэрт-хара Тыгын все же напал на один из борогонских родов, Бэс-борогон, проживавший в 30 урасах, и поголовно истребил его, кроме одного скрывшегося под опрокинутой чашей мальчика¹⁶.

В отличие от кангаласских легенд, где говорится, что Бэрт-хара подчинился, стал зятем и соратником — дружинником Тыгына, борогонские легенды подчеркивают непримиримость их вражды. По словам сказителя Д. С. Крылова, у них в Борогонском улусе «не было того сказа, чтобы Дыгын-бай сделал себе зятем Бэрт-хара, наоборот, сказывают, что Тыгын хотел его убить, попрасть его имя, отнять земли — места его; намеревался, обманывая праздником — ысыахом, поймать, убить, но тот был лучшим из лучших, и Тыгын вернулся назад, не достигнув цели¹⁷.

О борьбе Тыгына с бетюнцами рассказывают, что на Амге в местности Соморсун Арыаллаа жили шесть или семь братьев, носивших наименование «волки-бетюнцы», или «имеющие счастьем волка бетюнцы». Поблизости обитал другой род — нахарцы. Бетюнцы находились в родстве с борогонцами, а их соседи нахарцы — с Тыгыном. Однажды осенью оба рода организовали на озере совместную подледную неводьбу. Неводьба сопровождалась играми, во время которых один из молодых нахарцев, по имени Бёджёкё, был побежден в борьбе бетюнским парнем. Свалив его на лед и не давая ему встать, бетюнец ради шутки набил в его штаны снегу, а остальные бетюнцы насмеялись над ним. По другому варианту предания, этот случай произошел из-за того, что Бёджёкё, пораженный красотой жены бетюнца Масараха, своего дяди по матери, публично воспел ее и тем оскорбил последнего¹⁸. Летом нахарцы устроили ысыах и позвали на него бетюнцев, но те, подъезжая, увидели хозяев ысыаха в блестящих от солнца боевых доспехах. Увидев, что дело идет к войне, бетюнцы вернулись домой, заперлись в амбар-крепость, построенный над глубокой ямой-убежищем, и стали ожидать врагов. Появившись около бетюнцев, нахарцы начали обстреливать крепость из луков, а потом, приблизившись, подожгли ее. Не довольствуясь тем, что здание было вскоре охвачено пламенем, нахарцы подрубили большое дерево и свалили его на горящий дом. Матицы дома обрушились, и весь потолок, охваченный пламенем, обвалился. Охваченные злобной радостью нахарцы торжествовали, восклицая: «Бёрё-бетюнцы! Страшные люди! Что стало с вами? Выходите сюда! Неужели вы, превратившись в пепел и дым, улетели в воздух?» Собирая валежник и сучья, они бросали их в огонь, отчего пламя усиливалось, ярко вспыхивало и громко трещало. Бетюнцы же скрылись в погребу и сидели там, закрывая лица от дыма запасенным для пищи

¹⁵ «Бэрт-Хара и Тыгын-тойон». Записано С. И. Боло от Д. М. Говорова, 88 лет, 2-й Ольдетский наслег Усть-Алданского района, 1934 г.

¹⁶ «Бэрт-Хара и Тыгын-бай». Записано С. И. Боло от Д. С. Крылова, 81 г., Сыгатский наслег Усть-Алданского района, 1933 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ По третьему варианту легенды, вражда разгорелась из-за того, что глава нахарцев шаман Быянг, живший по речке Хотуйа-юрэгэ, выдавал замуж одному из бетюнцев свою дочь красавицу. Во время свадебного торжества нахарец Бёдьёкё встал к бетюнцу Чакрунай Боогуром, причем тот оборвал ему ремешок у штанов и давал им встать, не давая подняться. Кроме того, после свадьбы шаман Быянг оскорбил своего зятя, разгневовавшись от дочери, выданной за бетюнца, который в отместку свалил зятя на любимую жену, а затем убил самого шамана.

конским салом. В этот момент один нахарец стал ходить по свалившемуся над пожарищем дереву, шевеля палкой пепел, издевательски воскликая и воспевая: «Как тяжело и ужасно, что наши дорогие соседи Бёрё-бетюнцы, превратившись в дым, исчезли с лица земли!» Тогда один из бетюнцев, сидевших в яме, знаменитый стрелок Егедей выстрелил в него через щель из лука так, что он упал мертвым. Решив, что сгоревшие враги и в самом деле превратились в злых духов — абаасы, нахарцы от страха убежали домой. Увидев это, бетюнцы вышли из убежища и направились за нахарцами, которые расположились ночевать на речке Хотуйа-Юрэгя. Перед тем бетюнский шаман вселил духа кровопролития — Ильбис в витязя Тэтэйбит-боотура, который обезумел от жажды крови, ночью ворвался в лагерь спокойно спавших врагов и перебил их всех, кроме одного единственного молодого шамана. Последний заранее чуял недоброе, говорил, что Илбисова дева слишком часто ходит и назойливо поет свои песни. По другому варианту легенды, он прорицал: «Скоро будет страшное бедствие, богиня кровопролития, летая взад и вперед, воспекает междоусобную войну. Речка будет наполнена кровью до половины человеческой голени». Так как сородичи не послушали его, он ушел с женой и с детьми и тем спасся. Бежав на Лену, к своему родственнику Дыгыну, шаман обратился к нему со словами: «Бёрё-бетюнцы, жившие по соседству с нами, геснили и угнетали нас и в конце-концов истребили. Только я один и остался в живых. Будь нашим солнцем-спасителем, заступись, оберегай!» В ответ на мольбу шамана Дыгын собрал своих воинов и отправил их на Амгу, чтобы отомстить за избившие родственников.

По одному варианту предания, воины Тыгына, окружив юрту бетюнцев и стреляя из луков, потребовали, чтобы они выдали девятилетнего сына Масараха по имени Кис-сагыньях (соболиная шуба), родившегося от дочери нахарцев. Вынужденные принять это требование, бетюнцы вытолкнули из юрты рыдавшего мальчика. Воины Дыгына сразу же обстреляли мальчика, так что стрелы торчали из него во все стороны, как бахромы. Израненный мальчик бегал и метался, рыдая и плача от невыносимой боли — страдания, пока воины, окружившие его плотным кольцом, не закололи, наконец, свою жертву ударом копья. После возвращения своих воинов из похода Тыгын решил предпринять второй поход против бетюнцев с тем, чтобы окончательно уничтожить их. Однако, по рассказу сказителя Филиппова, дело закончилось миром.

В том же духе и часто в тех же самых стереотипных формулах освещается в фольклоре борьба Тыгына с предками намцев и других племен, не входивших в кангаласскую группу — батурусцев, вилюйчан, хоринцев. Борьба Тыгына с батурусцами и его поход на Татту отражены в предании о богатыре Батас-мендукэне, который будто бы мальчиком был захвачен им во время похода на мегинцев. Выросши, рассказывается в легенде, Батас-мендукэн женился на дочери Тыгына, но так как у них не было детей, Тыгын решил его уничтожить. Узнав от жены о намерении Тыгына, Батас-мендукэн бежал с ней на восток в родные места, поселившись вблизи р. Татты на холме елани Мэала. Когда Тыгын через год явился со своими воинами, Батас-мендукэн порастил его своей ловкостью, так как искусно отвертывался от вражеских стрел, ловил их и складывал, пока запас стрел у врагов не воистинно совершенно и они не спаслись бегством. Испуганный Тыгын, увидев это, сказал ему: «Пусть имя твое будет Кеччех-терелей: будьте родоначальниками людей!» От Батас-мендукэна, согласно преданиям, произошли якуты Хатылинских наслегов — ачагарцы, кытавачы, балынцы, болтогинцы и оканцы¹⁹.

¹⁹ «Батас-мендукэн и Тыгын-тоёон». Записки С. И. Боло от Г. Ф. Дьяковского, 78 лет, из Телейского наслега Чурапчинского района. 1933 г.

О том, как Тыгын присоединил к себе хоринцев, говорится в различных вариантах преданий. Согласно одному из них, в местности Обуу-Хатын жил один человек в четырьмя сыновьями и прекрасной дочерью, которую Тыгын тщетно просил у отца в жены. Попытка взять ее силой окончилась поражением Тыгына, вследствие чего он сказал о своем противнике: «Он стал для нас хоринским божеством, ибо мы не смогли одолеть его!» Тогда Тыгын обратился за помощью к сыну слепого старушки, Анньысар-боотуру, жившему на севере в бетюнцах с тем, чтобы он пришел к нему и стал челядинцем (кэргэн-хара). Анньысар-боотур ответил: «Когда зовет властелин, ужели буду сидеть дома, пойду!» Анньысар-боотур похитил девицу, а затем Тыгын сказал: «Теперь, когда наша сила так возросла, нужно их (хоринцев) всех истребить». Напав на хоринцев, воины Тыгына сначала убили трех сыновей старика, а потом напали на него самого. Старец сказал: «Вы убиваете нас, ни в чем неповинных. Это ты, Анньысар-боотур губишь нас. После смерти я принесу на тебя жалобу создавшему отцу моему Улуу-тойону. Знай же, если моя жалоба будет уважена, ты умрешь от стрелы младшего моего сына». Челядь убитых разбрелась, имущество забрали победители. Когда наделенный красивой девицей, скотом и людьми Анньысар-боотур возвращался на родину и подъезжал к правому подножию горы Куллаты, неожиданно запела стрела и богатырь упал с коня. «Стрела сына хоринцев, оказывается, бьет сильно и метко», — только и успел он воскликнуть перед смертью. Сопровождавшие же его челядинцы вернулись обратно²⁰.

В другом предании говорится о гибели хоринца-богача Тарбыха Тиис, жившего в местности Майагас у озера Мюрю, во время похода сыновей Тыгына Бёдьёкё и Чаллайы на баягантайцев. Отправляя своих сыновей, Тыгын будто бы предупредил их: «На своем пути, в местности Тойон-Мюрю вы найдете богача Тарбыха-Тиис, происходящего из хоринского рода. Не смейте его трогать, он очень родовитый человек, в будущем нам будет плохо (кроме того) он мне вроде приятеля». Но люди Тыгына, охваченные страстью к убийству, не послушались его слов. Напав на людей Тарбыха-Тиис, они сначала убили его сына и лучшего воина, а потом ворвались в урасу и закололи копьем самого богача Тарбыха, который болел водяжкой, а потому не мог встать на ноги и ходить. Какая-то женщина, не то невестка, не то дочь Тарбыха-Тиис, успела бежать, сняла с себя разукрашенную узорами шубу, в которую и стали стрелять преследователи, повесила ее у озера между камышами, а сама спряталась. Кроме нее, осталось в живых еще несколько человек, бывших на охоте (от которых, очевидно, и произошли позднейшие хоринцы)²¹. Легенда эта, несомненно, сложилась у самих хоринцев, потомков людей Тарбыха-Тиис.

Борьба Тыгына с намцами тоже отражена в различных легендах и преданиях, ярко рисующих взаимоотношения враждующих племен.

В то время, когда жил господин Тыгын, в намцах на территории современных Кусаган-Баласского, Хатын-Аринского, Хамагаттинского наслегов, в местности Нэлэгер-эбэ, рассказывает одно предание. «жила старуха с тремя сыновьями. Ее сыновей звали: Чорбогор-баатыр, Обоччо-Тюмэрэй, Куонай-Кылысыт. Они были охотники, хорошие бегуны, могучие люди. Первый сын, Чорбогор-баатыр, по своей силе равнялся борогонцу Бэрт-хара. Боясь его, силачи из других улусов не ездили через намскую землю. Узнав о них, в одно время господин Тыгын со своими воинами, с дойными кобылицами и с челядью, прибыл в Намцы, где расположился около старухи в девяти шатрах. «Мы —

²⁰ «Тыгын» якутов Кангаласского улуса о своих предках. Записана в 1921 г. в Мадане Нерстрезва 71 г., 3-й Малтанский наслег Западно-Кангаласского улуса.

²¹ «Сказание Тыгын». Свод преданий, рассказанных сказителями прежнего Якутского улуса. 1929—1936 гг.

плохие соседи, ничего не имеем, очень бедная старуха, трое сыновей пошли на северную речку охотиться, совсем плохие соседи», — так сказала старуха господину Тыгыну. Силачи господина Тыгына — Тэлэмики-Сююрюк, Бёдбёкё-Бёгё, зайдя в шатер, взяли лежавший на постели лук и стали его натягивать, но натянуть не смогли. Заробевши, но не желая выдать свой страх, они сказали: «бесполезное оружие». Погуляв и выведав об ее сыновьях, пошли к своему табору. Когда сыновья старухи вернулись с охоты, она им рассказала о пришельцах. Господин Тыгын устроил ысыах, на который пригласил всех местных жителей и старуху. Во время игр состязались в стрельбе по мишени. Первые стрелки господина Тыгына не могли сравняться с сыновьями старухи. У Чорбогор-баатыра от напряжения при натягивании лука выскочили глаза из орбит, а он, подогрев у огня ладони своих рук, обратном вставил глаза в орбиты. Стрела его пробила лицевую сторону железного стремени. Испуганные воины Тыгына прекратили игры. Ысыах тем и закончился. Разойдясь с ысыаха, все пошли по домам. Господин Тыгын, боясь сыновей старухи, по своему обыкновению ночью оставил по половине каждого из своих шатров для маскировки, а сам ушел домой. Ему не удалось, таким образом, перебить сыновей старухи, унижить их имя и завладеть землями. Узнавши о бегстве Тыгына, сыновья старухи погнались за ним по трем подъемам на Священную гору. Чорбогор-баатыр, гнавшийся первым, увидел на спуске Ыга таххар ааттык, что господин Тыгын с воинами и скотом, спустившись с горы, уже доходил с шумом до границ кангаласцев, до холма Маддай. Чорбогор-баатыр выстрелом из лука убил трех человек и крикнул: «За стрелы получил кровь!». На это господин Тыгын в ответ тоже крикнул: «Ладно, если взял — так взял!» Так струсивший сыновей намской плохой старухи, господин Тыгын без боя вернулся домой»²². В другом предании — о старце Кедегее — говорится, что «услышав о таком известном человеке, господин Тыгын, с воинами и с дойными кобылицами, через борогонские земли переехал в теперешний Муччукинский наслег и остановился в 9 шатрах, около жилища старика Кедегей и старухи Муоган. Здесь они свалили одну громадную лиственницу, почитаемую местными жителями, и из нее сделали корыто для кормления собак. Увидев такое издевательство, старик со старухой очень взволновались и весьма сожалели это деяние. После того господин Тыгын велел приготовить из кобыльего молока кумыс и устроил праздник ысыах. На свой ысыах он пригласил всех людей и угостил их. После этого, по обычаю, были состязания в стрельбе из лука и бега взапуски. Его сыновья состязались в беге с сыновьями Кедегея и Муоган. Бегали от спуска на западной горе под названием Огонньор ааттыга до речных островов Тобула тёрдэ, Харбут тёрдэ. Во всех играх сыновья Кедегея победили людей и сыновей господина Тыгына: попали в мишень, прибежали первыми, в прыганье на одной ноге оказались лучше всех. Господин Тыгын был очень устроен этим, потому, не сделав ничего плохого, не сказав обидных оскорбительных слов, собравшись в ту же ночь, незаметно разобрав тыльную сторону шатров и отступил на юг, в направлении к своей местности. Переваливши через хребет Священной горы по кангаласскому спуску, он убежал домой. Погнавшиеся за ними намцы, узнав это, тоже вернулись обратно, сказав: «Провалились, словно в пропасть»²³.

Эти предания, принадлежащие самим намцам, разумеется, передают действительный ход событий в одностороннем освещении с их собственной точки зрения. На самом же деле победителем, во всяком случае в большинстве таких столкновений, оставался Тыгын.

В передаче кангаласского сказителя из рода Тыгына, Михаила

²² «Господин Тыгын». Свод преданий. Записки С. И. Боло.

²³ Там же.

Неустроева, исход борьбы его с намцами изображен иначе и, несомненно, гораздо ближе к истине. Рассказ его об этой борьбе начинается повествованием о чудесном мальчишке-богатыре, родившемся в Намцах, в местности Бетюн; мальчик этот появился на свет божий с серьгой из слитка золота, величиною с яйцо чирка. Услышав о нем, старик Тыгын сказал своим приближенным: «Ребенок этот вырастет, чтобы властвовать над людьми. Идите и сотрите мальчика с лица земли, пока не окрепли его кости». Мальчику было в то время шесть лет. Когда воины Тыгына подошли к жилищу, женщины только вышли доить коров. В юрте раздавался громкий храп спавшего младенца. Как только воины вошли, ребенок проснулся и, чуя беду, выскочил через их головы наружу. Гнались за ним два дня. Догнали его только у северной Почтенной горы в Одейцах, где дорогу преграждает река. Ребенка, побежавшего на гору, пронзила стрела витязя Бегюел-Беге, и он голый кувырком скатился вниз. По возвращении из Намцев Бегюел-Беге, взяв свою жену, поехал к себе домой, так как все, против кого Тыгын имел что-либо, были уничтожены. В те же времена в Намцах в Бетюнском наслеге жил один человек, шаман, по имени Оборчо. Жертвуя беломордую лошадь рыжей масти, Оборчо шаманит Улуу-тойону, умоляя его усмирить Тыгына, так как он губит все живущее на земле человечество. Но Улуу-тойон устами самого шамана ответил: «Он (Тыгын) мое собственное порождение, поэтому не могу его тронуть». В великом огорчении и с плачем вернулся шаман на землю. Через некоторое время Оборчо собрал 40 человек из своих приверженцев и сказал им: «Теперь как раз удобное время напасть на Тыгына и истребить его со всей родней, ибо с отъездом зятя Бегюель-Беге и сына Чаллайы²⁴ он ослабел и не страшен». Оборчо со своими людьми приходит к Тыгыну и говорит: «Заплати выкуп за убитых или же решайся на битву». «Ты нанес нам великую обиду, убивал больших и малых, выбирай одно из двух!» Тыгын ответил: «Дайте мне время обдумать окончательное решение, а пока примите мое угощение». Кормит и угощает их. Тем временем он говорит одному из своих витязей по имени Хончой, который славился как скороход: «Иди, не медля, к верховьям Сунтара и призови Чаллайы. Неужели же он продолжает сердиться на мою шутку. Пусть вернется и берет свою жену, я все время держу ее на правах невестки. Через двое суток ты должен быть здесь!» Посланный через двое суток возвратился, призвав Чаллайы. К этому времени были сделаны нужные приготовления. По прибытии Чаллайы все 40 человек шамана Оборчо были убиты. Ему самому удалось бежать, но его догнали в лесу налево от горы Куллалы. Шаман пытался уйти от преследователей вглубь земли, но зацепился за корень дерева, угодивший ему как раз между ног. Поймав его, никак не могли умертвить, застрелили лишь после того, как вывернули нижнюю челюсть. Оказывается, он носил вставную челюсть, вынутую от двухтравной коровы. Перед смертью шаман успел сказать: «Я убил деву-духа, вдохновляющую их (семью Тыгына) к кровопролитию, она скрывалась на лобном пятне Чаллайы. Теперь им не будет удачи в войнах»²⁵. Эти последние слова, вложенные кангаласским сказителем в уста погибшего от рук тыгиновых людей намского шамана были, конечно, только попыткой объяснить последующую гибель Тыгына и подчинение его народа пришельцам с точки зрения самих кангаласцев, не сомневавшихся должно быть в божественном происхождении своего вождя от грозного Улуу-тойона. Вместе с тем они в полной мере показывают, какой безнадежной была, по мнению кангаласцев, борьба намцев против Тыгына. Столь же определенно о конечной победе Ты-

²⁴ В предшествующем изложении говорится о ссоре Чаллайы с Тыгином из-за жены, которую ему не дал отец, и уходе его на Виллюй. О последнем происшествии см. ниже.

²⁵ «Легенды якутов Кангаласского наслега о своих предках».

гына свидетельствуют и материалы Линденау. По его словам, военные столкновения, происходившие многократно, привели, наконец, противников Тыгына к такому положению, что они, окончательно ослабев и будучи не в состоянии больше противостоять ему, должны были согласиться на полное послушание. И, таким образом, в результате длительной упорной борьбы с отколовшимися группами Тыгын достиг большой силы (Muth), стал самовластно хозяйничать над остальными родами. К этому времени, когда могущество Тыгына достигло предела, он, согласно преданиям, «владел усадьбами и именьями около озера Сахсары, у Ытык-кёля, Юрюн-кель и в местности Кытаанах Кырдал. Его конный и рогатый скот, его люди, воины, работники и батраки жили на юге до самой границы современных Мальджегарских наслегов, а на севере — до границ Намского улуса. В те времена долина, расположенная между двумя Священными горами, называлась Туймаадой. В Туймааде были отдельные местности, называвшиеся Ойуу-Хатын, Сахсары, Ытык-кель, Юс-Тиит, Ураахы, Кюерэгей, Улуу-Ары, Мардбай, Киллэм. А долина от Южной Священной горы до границы Мальджегарских наслегов называлась Иэркээни. В Иэркээни находились отдельные местности, как-то Кытаанах-Кырдай, Ой-Бэс, Тумул. Во всех этих местах жили люди, подвластные Тыгыну-Мунньану, повсюду там находился его скот»²⁶. Линденау также пишет, что Тыгын имел три резиденции: первую — между маленькими речками Алагана и Куллаты (Kuldati) на аласе или долине Эркани-Конута; вторую у озера Табага, несколько выше речки Сопеге или, теперь, Шестаковки; третью — где построен город Якутск, у озера Сайсары²⁷.

Успехи Тыгына были в значительной степени обеспечены помощью его сородичей, хотя и находившихся в некоторой оппозиции, но тем не менее всегда оказывавших содействие в его борьбе с чужеродцами и прибегавших к нему в случае опасности, как, например, поступили нахарцы во время их столкновения с бетюнцами.

Согласно преданиям, «господин Тыгын, не довольствуясь своим богатством, именьями, достоянием и желая еще умножить его, увеличить количество своих людей, земель, требовал земли и достояние от пяти мальджегарцев, хара Сирэй Дьогудайа, нахарцев, но получал постоянно отказ. Те жили самостоятельно, управляясь сами. Но, несмотря на это, как родственники: мальджегарцы, дьёппенцы, нахарцы, чувствуя кровную связь, оказывали господину Тыгыну помощь войнами, силачами, когда он ополчался на другие улусы. Так проживая и богатая, господин Тыгын постоянно занимался войной, набирал воинов, войско»²⁸.

Какими последствиями грозило его соплеменникам ослушание требованиям Тыгына в тех случаях, когда он обращался к ним за помощью, видно из рассказа о судьбе Ходоринского рода. «Якуты-ходоринцы, — говорится в легенде, записанной у потомков самих ходоринцев, составлявшие тогда один род-аймак, жили в 33 чумах, в Восточно-Кангаласской земле на аласе-летнике Кобедэ, что находится недалеко от теперешней речки Мыла. Главой их был старик, которому все подчинялись и слова которого выполнялись беспрекословно. Однажды летом с западной стороны этой реки (Лены) прибывает к ним с отрядом людей, с большой боевой дружиной Тыгын-баай. Прибыв, стал жить со своими людьми и скотом в уресе на аласном косогоре. Живя так, через некоторое время просит ходоринского старика отпустить ему трех витязей в панцырях, которые бы помогли ему в битвах. Оказывается, он ехал воевать против предков абагинцев, которые жили в то время у речки Амги. Тогда ходоринский старец вызывает к себе трех лучших

²⁶ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Боло.

²⁷ Lindenaу, Указ. раб. стр. 14.

²⁸ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Боло.

витязей с панцырями и говорит им: «Вот прибыл к нам глава якутов — богач Тыгын-тойон. Он едет в Амгу, чтобы грудью встретиться с врагами, лить их кровь за кровь своих, драться с ними за честь и славу. Он хочет пополнить людьми людей своих, витязями витязей своих. Прибыл же он сюда на вашу громкую славу. Идите с ним помочь ему». На это те возразили: «Мы бы, если смогли, сами его попросили быть нашими помощниками не то, чтобы быть его помощниками», и наотрез отказались идти с Тыгином. После того Тыгын устраивает пышный ысыах, на который собирает множество народу. Ысыах продолжается семеро суток. На ысыах явились все ходоринцы. Были разнообразнейшие игры, обильная еда. На исходе седьмого дня ходоринцы не выдержали и, когда настала ночь, заснули. Этого только и нужно было Тыгину. Как только те заснули, он перебил всех жителей 33 чумов, в том числе и тех трех витязей, не щадя никого, ни стариков, ни женщин, ни детей. А когда с ними было покончено, он со своими людьми спрятал всех убитых в одну общую яму». Был безжалостно уничтожен, говорится в легенде, даже и один малолетний мальчик, который спрятался на дне озера в озерной траве. Люди Тыгына взяли стрелу, плюнули на ее острие, совершили заклинание и выпустили вверх; падая вниз, заколдованная стрела впиалась в голову ребенка, который сразу же появился на поверхности озера. До сих пор в Ходоринском наслеге на косогоре аласа Кобэдэ видны глубоко погруженные в землю столбы частокола, похожие на зубчатую тюремную ограду; видны еще и очертания ямы, в которую закопали убитых. Нынешний же Ходоринский наслег образовался из потомков одного случайно уделевшего человека, к которым присоединились люди из рода Ессюй-Хангалас²⁹. Рассказ этот, конечно, приукрашен такими трафаретными мотивами якутского исторического фольклора, как сюжет об умерщвлении младенца заколдованной стрелой или об ысыахе, устроенном с коварной целью обмануть бдительных врагов. Основная канва его, тем не менее, насыщена трагической реальностью, и вряд ли можно сомневаться в том, что жестокая расправа Тыгына с непокорными ходоринцами действительно имела место.

Достигнув такого могущества и власти, Тыгын все же не удовлетворился ими. Он решил, что теперь наконец-то наступил момент, когда могут быть целиком осуществлены все его прежние стремления к полному господству над якутскими родами. Как говорит Линденау, «он снова страстно захотел привести в подчинение свою семью», т. е. род. Однако в ответ на такое требование, выраженное Тыгином в беседе с его старшим братом Каджага, последний настолько разгневался, что ударил Тыгына по лицу и тот ушел домой окровавленным. Покинув жилище Каджага, где произошло это событие, Тыгын велел сообщить ему, что, как только выздоровеет, отомстит за свой позор. Каджага и «остальные» (его сородичи) хорошо знали, что не могут оказать Тыгину никакого сопротивления, и потому поспешили бежать от него. К ним присоединились некоторые из Намской волости. Последние, указывает Линденау, теперь называются Меикской волостью. Все эти беглецы пошли вверх по Лене до Олекмы, где затем и расселились. Спустя долгое время они получили известие, что Тыгын снаряжается преследовать их и здесь. Некий тунгус Чаланга (Tschalanga) дал им, однако, добрый совет, как избежать этой беды. Он был из рода Нинеган и знал, что по реке Вилюю повсюду есть хорошие места для скотоводства. Беглецы последовали совету тунгуса и пошли с Олекмы на Вилюй, причем Чаланга был в дороге их проводником и счастливо привел на место. Однако те из них, которые пришли из Намской волости,

²⁹ «Ходоро-ууса и Тыгын-тойон». Записано С. И. Боло от И. Н. Саввина, 40 лет, Ходоринского наслега Мегино-Кангаласского района.

остались на Олекме. Поскольку беглецы достигли, наконец, реки Вилюя, им встретились здесь тунгусы родов Джурумджаль и Мамагир, собственностью которых была земля в этой области. Тунгусы, однако, добровольно согласились уступить часть своей земли, и якуты купили у них навечно землю около озера Toibskoi (Тойбохой?). Якуты дали за купленную землю одну женщину и 20 кобылиц. Реку Чону, которая впадает справа в Вилюй, тунгусы удержали за собой «и обладают ею и прилежащей землей до сегодняшнего дня».

Справедливость рассказа Линденау, записанного по свежей памяти в центральной Якутии и, несомненно, у кангаласцев, подтверждается в этой части позднейшими фольклорными источниками в виде цитированных выше преданий.

Как говорится в легенде, записанной на Вилюе М. Н. Тимофеевым-Терешкиным, узнав о тех речах, которые ведутся против нее и ее сыновей старшими женами Тыгына, умная Джардах велела сыновьям тайно подготовиться к бегству, как только пройдет весенний паводок и подсохнет земля. Воспользовавшись обычным выездом в летники (сайлык), род Джардах со своим скотом и имуществом бежал затем вверх по Лене. Когда спустя долгое время Тыгын узнал об их бегстве, он погнался за ними в ту сторону, откуда явилась Джардах, по направлению к Дальней Западной земле (Арга Кыйаар), но, проблуждав много дней, не обнаружил никаких следов бежавших. Джардах же ко второй половине августа, к началу сенокоса, достигла места, названного ею Ючюгей алас,— теперешней Олекминской долины. Зимой Тыгын узнал от охотников местонахождение Джардах и, как только дни стали длиннее, послал туда свое войско. Обнаружив приближение войска Тыгына, сын Джардах, Быркинга-ботур, предупредил мать и братьев. Замысел Тыгына захватить их врасплох не удался³⁰. Тем не менее весной Джардах сказала сыновьям: «Я достаточно знаю Тыгына и его мстительность. Он снова пришлет войско или сам придет сюда», и посоветовала идти дальше на север, к ее родине, полагая, что им удастся достигнуть тех мест к началу сенокоса. Выйдя на Вилюй в районе Сунтара, беглецы встретились с тунгусами. Самый разумный из сыновей Джардах, Тойук-булгудах, предложил тунгусам не воевать из-за земли, а выслать с обеих сторон по витязю, которые и решат дело поединком. Во время поединка Быркинга-ботур сразу выбил пальму из рук тунгусского воина-гиганта, а затем со словами «не хочу убивать безоружного» приподнял и с такой силой ударил головой о землю, что она разбилась как яйцо, забрызгав его мозгом и кровью убитого. Устрашенные тунгусы ушли в дальние речки. Кроме того, добавляет сказитель, «тунгусы крепко держат данные ими обещания». Ырыа-Тырылык и Бослонг-Бэлгэди остались в местности Хочо, их потомки хочинцы отличаются пением, вспыльчивостью и сутяжничеством. В Сунтаре поселились Тойук-булгудах, Суордах-Бэргэн и сама Джардах, по имени которой называется род Джардан. Поэтому сунтарцы деловиты, речисты и осторожны. Быркинга-ботур же ушел к озеру Нюрба, где жила тунгусы. Узнав, что пришелец требует, согласно уговору, очистить землю вокруг озера, тунгусы ушли на Марху, за исключением части удалых людей, решивших воевать, которые были, однако, убиты Быркинга-ботуром. Потомки его отличаются высоким ростом, отчаянным и настойчивым характером³¹.

³⁰ В дальнейшем рассказывается в стиле обычных трафаретных мест о битве воинов Тыгына с беглецами, во время которой калека Бослонг-Бэлгэди чудесно встал на ноги и напугал своими богатырскими поступками врагов; последние, увидев, что у джардахцев даже «безногий стал прыгать, как олень», посоветовали уйти обратно.

³¹ «Предание о заселении якутами Вилюйского края». Запись М. Н. Тимофеева-Терешкина от Василия Накатта, 80 лет, из Кутдарского наслега Сунтарского улуса (из рукописи: М. Н. Тимофеев-Терешкин, Вилюйский край Якутской АССР).

Единственное важное отличие этого рассказа, в сюжетной схеме точно, хотя и в несколько иной форме, повторяющего сообщение Линденау, заключается в том, что здесь приобретение Вилюйских земель объясняется доблестью якутского витязя, а не простой коммерческой сделкой — покупкой их у тунгусов за девушку с богатыми одеждами и скотом в качестве приданого. Это отступление от действительности было, очевидно, уступкой самолюбию вилюйчан и стремлением приукрасить прошлое. По той же причине, должно быть, роль проводника и мудрого советника досталась не тунгусу, а матери беглецов — Джардах, с одной стороны, ее сыну Тойук-булгудаху — с другой, как бы поделившим между собой эти функции.

Роль тунгуса Чаланги как советника и проводника, оказавшего помощь врагам Тыгына, отражена в легендах о борьбе последнего с каким-то богатырем «тунгусом», связанными с известной горой Иллюн-Хая на Лене выше Олекминска. Может быть, та же легенда вошла в известное предание о происхождении якутов, опубликованное Гмелиным, в котором обнаруживается смешение разнородных сюжетов³².

Завуалированы по тем же патриотическим побуждениям в вилюйской легенде и реальные обстоятельства, вызвавшие побег родственников Тыгына. Причиной бегства здесь является только алчность Тыгына или интриги старших жен его отца, завидующих младшей жене и питающих ненависть к ней. Но в другом варианте легенды о Ньырбакан, записанной в XX в., эти причины раскрыты в том же виде, как и в рассказе Линденау. Когда Тыгын дерзко взял шкуру матерого зверя и пытался с ней уехать, говорит в этом предании, дети Ньырбакан схватили коня под уздцы и стали отнимать шкуру. «Тыгын, сидя на коне, размахивал пальмой, как бы отпугивая их. Тогда парни, рассердившись, разгорячившись, начали наседать покрепче. Один из парней вскользь ударил Тыгына по лицу и раскровянил его. Тогда Тыгын сказал братьям: «До сегодняшнего дня никого еще не было, кто осмелился бы поднять на меня руку. Ну, на сегодняшний памятный день взяли у меня кровь мои же братья! Раз на то пошло, то я через четыре дня приду и всерьез мы займемся кровопусканием друг другу. Берегитесь, готовьтесь!» Сказавши — бросил шкуру и ускакал на коне. У Тыгына было много вооруженных людей, у них же не было. «Дерзкий Тыгын лишит нас солнца», — сказала Ньырбакан своим сыновьям и решила уйти с ними на запад³³. В других вариантах называется даже имя сына Ньырбакан или Джархан, ударившего Тыгына и окровавившего ему лицо. Это Тойук-булгудах, который, следовательно, соответствует Каджага в записи Линденау³⁴. Повидимому, Каджага было личное имя, ставшее

Экономическо-этнографический очерк, 1930, л. 33, по копии, снятой И. Д. Новгородовым).

³² Гмелин, повидимому, имел дело с плохим рассказчиком и, всего вероятнее, тунгусом, так как в легенде чувствуется оценка событий с тунгусской точки зрения, или с очень плохим переводчиком.

³³ «Ньырбака, Рассказ из времен Тыгына», Сборник якутского фольклора на русском языке, Архив НИИЯЛИ, № 61.

³⁴ В литературе отмечено несколько вариантов вилюйского рассказа о столкновении Тыгына с родственником, ударившим его и окровавившим лицо. В хочинском варианте, например, сказано, что на Нюрбе живут в 10 домах тунгусы нюрбочаны, которые вяжут из тальниковой коры сети и кормятся рыбой. Их истребляют туматы. Остается в живых только одна девушка. В дальнейшем она бежит вниз по Вилюю с одной тальниковой сетью, поднимается вверх по Лене и делается женой-коровницей у отца Тыгына, Муньяна. У нее рождается три сына и дочь. По смерти Муньяна они остались жить у Тыгына в «качестве скотников» и «кормились, охраняя его скот». Братья были хорошими охотниками, отличаясь силой и удалью. Сын Тыгына Чаллай-Беге опасается, что эти потомки тунгусов, видимо, будут стойки и неуловимы на войне, и берет с них обязательство, что «они не восстанут» против него. Сам Тыгын, обвиняя братьев в плохом присмотре за его скотом, набросился на Тойук-Булгудаха с пальмой. Вырвав оружие, Тойук-Булгудах избил его тыльной стороной пальмы. Затем, по совету матери, братья бегут от Тыгына. Тыгын гонится за ними и

запретным после его смерти, а Тойук-булгудах являлось прозвищем или позднейшим образованием.

Из сказанного видно, что современные легенды во всем существенном совпадают с текстом записей Линденау и, кроме того, дополняют их рядом новых деталей, позволяющих полнее и глубже представить ход описанных в них событий, а также и общий дух той эпохи. Среди подробностей, отсутствующих в записи Линденау, в позднейших легендах имеются сведения о борьбе пришельцев на Вилюй с коренными жителями последнего, но на этот раз уже не тунгусами, а якутами — может быть потомками Омогоя или его людей, оставшихся там, согласно преданию, во время путешествия Омогоя с Вилюя на Лену. «У господина Тыгына,— говорится в легенде,— был воин, по имени Туока-баатыр, который имел подчиненных ему людей. Однажды Туока-баатыр украл у господина Тыгына коня, по кличке Кыыл-Огото, и заколол на мясо. По доносу своей жены Тыгын обыском нашел у Туока-баатыра мясо коня Кыыл-Огото. В наказание за это и в уплату за этого коня у Туока-баатыра отобрали 100 голов лошадей. Затаивший злобу Туока-баатыр во главе 40 человек сбежал на Вилюй. На Вилюй они прибыли в то время, когда вилюйский богач Келюйэ-бай устроил ысыах. Когда люди Келюйэ-бая стали разливать в чороны кумыс для угощения этих 40 человек, то подошедший Келюйэ-бай сказал: «Что это за люди, откуда они пришли кушать еду, истреблять молочную пищу? Не наливайте, не подавайте им!» — и приказал слить обратно кумыс из чоронов. Так Туока-баатыр остался обделенным. Была летняя пора, потому они сильно проголодались и мучились от зноя и жажды. Оскорбленный этим Туока-баатыр своей пальмой рассек землю в обширном балагане Келюйэ-бая,— такую грозную он оставил о себе память. Проехав дальше и подготовившись к бою, люди Туока-баатыра затем напали на Келюйэ-бая в середине ысыаха. Они стали стрелять из луков, рубить мечом, убили много людей Келюйэ-бая и его самого. После этой победы они возвратились на речку Кенкэмэ, где заночевали. Туока-баатыр, вставши утром, увидел, что один из его людей привел красавицу дочь Келюйэ-бая и спал с ней. Увидев это, Туока-баатыр сказал: «От Келюйэ-бая ни одна душа не должна остаться в живых!». С этими словами он заколол девушку мечом. Вилюйчане были много-

догоняет их. Тойук-Булгудах умоляет его, величая «повелителем и старшим братом», отпустить беглецов, ибо: «я уходил не с мыслью посрамить твое имя и умалять твою славу».

В Нюрбинском варианте сын от бежавшей с Вилюя побочной жены отца Тыгына, Биркынга-Боотур, бедняк, ловивший рыбу мордами, встречает своего брата от старшей жены отца — Тыгына. Тыгын укоряет его за то, что тот нарушил правила его ремесла, и бьет его кулаками и рукоятью волосяной махалки. Биркынга отбрасывает махалку и, защищаясь, поранил его лицо, а затем бежал с братом из Вилюя.

После того, как бежавшие от Тыгына братья прибыли на Вилюй, к ним присоединился человек из якутского края по имени Наахара. Присоединившись к братьям, сыном Босхонг-Бэлэгэтин, одного из двух братьев Биркынга-Боотура, Наахара одерживает победу, и противники примиряются. Принеся обещанный выкуп и изъявления покорности, выдал девицу в полном браке сыну, а сына — Омоллона, переселился в Хокялский улус.

Девица в полной брачной одежде, о которой здесь говорится, бесспорно является той самой девушкой, за которую, согласно записи Линденау, приобрели якуты тунгусские земли. В Мархинском варианте Тыгын ведет войну с каким-то народом Хаан-Хангынай. Он просит Биркынга-Боотура, сына младшей жены его отца Сар-Баая, помочь, но тот отказывается. Тыгын бьет его, обороняясь Биркынга-Боотур в драке окровавил лицо Тыгына (Г. В. Ксенофонтов, Ураангхай Сахарлар..., стр. 361—369).

В легенде о бегстве якутов от Тыгына взрех по Лене, записанной И. М. Майновым, также говорится, что от него бежали магуны во главе с шаманом Чалыем, достигшие реки Синей (Синэй), далее которой войны Тыгына их уже не преследовали. Эта легенда представляет собой, видимо, искаженный вариант приведенной выше легенды о бегстве предков вилюйских якутов (И. М. Майнов, Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, стр. 80—81).

народом. От горя и сожаления по убитым людям они пригласили камлать одного знаменитого шамана. Своей колдовской силой шаман напустил на воинов Туока-баатыра страсть к убийству, отчего они подрались между собой и многих убили. Остатки их поселились в пещерешнем Немюгинском наслеге, где образовали род Туока³⁵.

* * *

Таким образом, после тяжелой кровопролитной борьбы все, к чему стремился Тыгын, было достигнуто; он, действительно, в какой-то мере стал повелителем большинства якутских родов и племен. Отзвуки славы Тыгына, достигшего теперь зенита своего могущества, сохранились в фольклоре как центральных, так и самых отдаленных северных районов, в частности Верхоянского, где И. А. Худяков записал едва ли не самую яркую характеристику «якутского царя», «господина Тыгына». «На месте, называемом Сайсары, жил человек по имени Тыгын-господин, считая себя якутским царем. Всех ближних людей и убивает и не убивает; берет себе, что увидит, и имущество и скот; а если живые (люди) останутся, то берет под страхом смерти. Таким образом, он сильно разбогател и сам не знает счета своего скота. А если сказать примерно по нынешнему, то людей у него было с половину здешнего улуса и богатства столько же». «Живет, славясь, этот Тыгын-господин. Кто бы ни пришел, никого нет такого, кто бы мог его одолеть. Считает себя вольным царем. Тогдашние якуты называют его тоеном (господином)»³⁶.

С. А. Токарев, не склонный преувеличивать мощи Тыгына, пишет, что среди якутских тойонов, располагавших крупными силами и широким влиянием в начале XVII в., выделяется «знаменитый Тыгын, тойон кангаласцев, сфера могущества и власти которого, судя по преданиям, простиралась за пределы его собственного кангаласского племени»³⁷. Следы былого влияния Тыгына сохранились вплоть до прихода русских, когда, по якутским преданиям, его собственные силы пришли к концу. Иван Галкин писал о сыновьях Тыгына (о «кангаласских тойонах Тыгынова дома», как выражается С. А. Токарев), что «они всею землею владеют и иные многие князцы их боятся». Когда дети Тыгына Откурай и Бозеко предприняли выступление против Якутского острога с целью освободить, как указывает Линденау, из плена своего отца, они собрали «своих кангаласских многих людей и иных сторонних речных князцов собрали и с Мотмы (Ботомы?) и с Сини и с Лены и нюрюптейского князца с Кирия со всеми улусными людьми, сот с шесть и больше»³⁸.

Приневоленные Тыгином к подчинению люди других родов и племен, разумеется, не только боялись, но и ненавидели его. Так возникли пропитанные горечью поражений, обидой и злобой легенды намцев, борогонцев, вилюйчан и других племен о кровожадном, но трусливом и коварном деспоте, сыноубийце. Но, с другой стороны, среди собственных родичей Тыгын достиг величайшего почета, имевшего даже оттенок религиозного, культового преклонения.

Михаил Неустроев, один из лучших знатоков кангаласских преданий, живший на коренном месте Тыгына — в Малтанском наслеге, где проживал в XVIII в. и знаменитый внук Тыгына — Масары Бозекуев и, вероятно, отец последнего Бэжэкэ, сохранил замечательные сведения об отношении кангаласцев к Тыгину. «Когда Тыгину было шесть лет, он, играя, поднял копье острием кверху и воскликнул: «Хара Суорун

³⁵ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Боло.

³⁶ Верхоянский сборник, стр. 47—48.

³⁷ С. А. Токарев, Общественный строй якутов..., стр. 165.

³⁸ Там же, стр. 167.

Улуу-тойон, создавший отец мой! Тунгусы нас невинных обидели, стерли наш род с лица земли. Если суждено мне отомстить всем врагам моим, ниспошли свыше кровавый символ духа войны и убийства — ханнаах илбис!» В ответ на самом острие копья очутился сгусток крови. Младенец проглотил его и с этого момента стал быстро расти, превратился в грозного воителя. Уже десяти лет он превосходил всех силой, умом и знаниями. Высокочитимый людей потомок, знатного рода отпрыск, Тыгын (ытык уон ыаллара, төрүт уон төрүө-охтэрэ Тыгын) — наименовала его старуха-воспитательница. Когда Тыгын одряхлел и ему исполнилось триста лет, его, говорит сказитель, сажали тогда на высокое сиденье — помост, арангас оронгго. Все приезжие издали входили к нему, кладя поклоны, словом, обращались с ним, как с божеством (Тангара курдук)³⁹. Такое отношение к Тыгину окружавших его людей исключительно ярко выражено словами некоторых покинувших его в старости воинов; уходя они сказали, что им наскучило «вечное поклонение черной тени Тыгына».

Чтобы понять и наглядно представить себе обстановку, окружавшую под старость Тыгына, нужно, очевидно, иметь в виду ту своеобразную атмосферу древней языческой религии и эпоса якутов, обломки которых дошли вплоть до XX в., несмотря на разлагающее влияние христианства и новые культурные веяния.

Фигура Тыгына — мудрого старца, владыки и грозного воина, избранника Улуу-тойона — уже при жизни сливалась на этом фоне с величественными образами эпических богатырей и языческих богов. Его рождение и юность овеяны мифологическими образами, окружающими детство Чингис-хана и еще более древних азиатских владык, вплоть до самого Саргона — властителя Аккада. В простую сюжетную ткань рассказов о борьбе Тыгына с врагами щедро вплетены обрывки таких же мифологических образов и сюжетов. Наконец, даже и сама по себе гибель Тыгына связана была с крупнейшим историческим переломом в жизни якутов, появлением русских на севере и обрисована в величественных чертах эпической драмы.

Такой личность Тыгына и осталась в народном сознании вплоть до XX в., связывая его древнюю историю с новой эпохой в истории Севера, когда Якутия вошла в состав могущественного русского государства. В действительности же время легендарного Тыгына окончилось не столь эффектно. Он как-то незаметно и тихо сошел с исторической арены. Русские документы даже и не отметили смерти грозного якутского «царя» преданий, так недавно еще потрясавшего свою лесную страну, десятки лет державшего в страхе свой маленький народ. В устных же летописях его сородичей сказано только, что под старость Тыгын совсем одряхлел, заболел кожной болезнью, тело его покрылось язвами. Он стал говорить невпопад, потерял разум, память и, достигнув преклонных лет, умер. Его похоронили родственники и воздвигли на месте погребения могильный памятник⁴⁰. Где и как умер Тыгын — кангаласские предания, должно быть намеренно, умалчивают. Линденау же пишет, что Тыгын был взят казаками в заложники и умер как пленник перед приходом первых воевод в Якутский острог. Младший сын, Бэджэкэ, сменил его в аманатах, а Окурей (Елькерей) в действительстве общеплеменного главы якутов — в звании тойон-уса⁴¹. Со смертью

³⁹ М. Неустроев, Цитир. запись предания о владыке Кангаласских якутов.

⁴⁰ «Господин Тыгын». Свод преданий, записанных С. И. Бам.

⁴¹ Lindenaу, Указ. раб. стр. 19. — Восстание 1642 г., во время которого был убит Осип Галкин, Линденау объясняет стремление сыновей Тыгына освободить отца и отомстить за унижение, которому он подвергся в плену. Чрезвычайно подробные предания, записанные Г. В. Кософоровым у кангаласских сказителей, подтверждают в основном версию Линденау, но главным мотивом, руководившим во время восстания детьми Тыгына, они высказывают месть Осипу Галкину за оскорбление отца и последовавшую вследствие этого его смерть. Следовательно, Ты-

Тыгына ушла в забвение целая историческая эпоха и началось время новых людей и событий, время писаной истории.

Реальный исторический Тыгын, отец Бэджэкэ, Елькерей, Чаллая и других якутских князцов XVII в., действительно по праву занимает особо важное место в дорусской истории Якутии — не только благодаря своей личной энергии, бесспорным организаторским и военным способностям, но и по общей его роли в социально-политической истории якутской народности.

Тыгын унаследовал от деда и отца определенное общественное положение главы патриархально-родовой по характеру и межплеменной по масштабам организации — союза якутских племен. Вместе с тем он был, очевидно, и главой господствующего среди них рода, который являлся основным носителем идеи общеплеменного единства — эля, как сказали бы древние орхонские тюрки⁴². Организация эта, конечно, возникла задолго до Тыгына; она была, несомненно, принесена вместе с прочими элементами древней степной культуры якутов их предками, бежавшими на север около двух веков тому назад из Прибайкалья, в совершенно зрелом виде. В Прибайкалье же она уходит во всяком случае в глубь первого тысячелетия нашей эры. Эпоха первоначальной суровой борьбы якутов за существование в новых условиях и вечной войны с аборигенами севера требовала всемерного поддержания общеплеменного единства и постоянной поддержки одного рода или племени всеми остальными и наоборот. В этих условиях поддержание общеплеменной организации и авторитета ее главы не представляло большого труда. С течением времени, однако, якуты не только прочно овладели новыми землями, но и широко распространились на север и северо-запад; они ассимилировали многие туземные племена, размножились сами по себе и стали гораздо более внушительной силой, чем раньше. Внешнеполитическая необходимость в согласованных единых действиях всех якутских родов и племен фактически уже перестала существовать. Не было и внутренней экономической основы в виде сколько-нибудь широко развитого обмена и единого рынка, которая могла бы закрепить единство племенного союза на новой, более прочной основе. Напротив, расселяясь все дальше и дальше по таежным речкам и долинам, разветвляясь на многочисленные отцовские и еще более многочисленные материнские роды, отдельные племена, проникаясь особыми местными интересами и сближаясь с их носителями — аборигенами, все больше и больше утрачивали сознание общеплеменного единства. В этих условиях достаточно было даже и слабого толчка, чтобы ветхое здание общеплеменной организации закачалось и развалилось. Таким толчком явилась смена Мунньана Тыгином в роли верховного вождя, совершившаяся вопреки обычаю и воле остальных сыновей Мунньана.

Энергичный и настойчивый Тыгын, даже и поссорившись с братьями и другими родственниками, не пожелал уступить свое звание кому-либо другому. С изумительным терпением и дальновидностью в течение ряда

гын умер до восстания 1642 г., будучи, согласно преданию, в крайне престарелом возрасте.

Линденау относит восстание, во время которого погиб Осип Галкин («Осип Чулков»), к 1643 г., а затем указывает, что Головин и Глебов выехали из Москвы в 1639 г., Тыгын же умер прежде, чем они прибыли в Якутск, т. е. в 1639—1640 гг. (стр. 18).

⁴² Этот факт был известен еще в конце XVIII в. по материалам, собранным доктором Мерком: «Размножившиеся от них (Эллея и Омогая.— А. О.) потомки вождя вручали начальство поколению старшего Эллеева сына Хангаласа, по имени которого называется Хангаласский улус, и сие преимущество продолжалось до Таскина, то-есть до времени покорения якутов под Российскую Державу посредством старшего Эллея от них владельца Мымака». («О происхождении, вере и обрядах якутов». Любитель словесности, 1806, часть 1-я, стр. 118—147). Удивительным фактом, как живой серьезный наблюдатель, как С. А. Токарев, не обратил внимания на этот факт в своей работе о социальном строе якутов в XVII—XVIII вв.

лет он осуществляет широко задуманный план, который должен был привести его к такой полной власти над всеми якутскими родами и племенами, какой не имели, вероятно, и его ближайшие предшественники, кроме, может быть, деда, Дойдуса-дархана, т. е. Баджея. Не щадя своих собственных сил и сил всех своих людей, Тыгын совершает походы во все концы якутской земли, где обитают непослушные ему роды, громит и разоряет непокорных, устраивает пышные ысыахи; увеличивает свое богатство и силу. Благодаря своим выдающимся личным качествам Тыгын, наконец, добивается поставленной цели, хотя и ценой потери части наиболее близких ему родственников, бежавших от его мести на далекий Вилюй — «край света», по понятиям тогдашних якутов. Но на осуществление поставленных задач по существу уходит большая часть всей долгой жизни Тыгына. Цель ее достигнута только лишь к самому закату, когда Тыгын уже приближается к последней черте. Его постепенно оставляют силы; приближается то роковое время, когда язвы мучительной болезни покроют его одряхлевшее тело, когда ослабеет не только воля, но и рассудок. И здесь с полной ясностью обнаруживается, насколько непрочен был труд всей его жизни, на каком ветхом основании строил он здание своего могущества.

Как согласно говорят все предания, вновь откалывается от него род за родом, уходят самые надежные, казалось бы, витязи и воины. А враги поднимаются совсем рядом, в Намцах — Мымак, в Борогонцах старую племенную вражду не может забыть Легой-тойон; они предпочли Тыгыну русских и даже более того, как прямо свидетельствуют факты, сами обратились к ним с жалобой на насилия Тыгына и за помощью против него. Еще глубже была та глухая вражда, которую питали к своим угнетателям тойонам многочисленные хамначиты — рабстники и рабы Тыгына, доившие его скот, косившие для него сено, чьим трудом держалась вся мощь их господ.

Конечно, не подлежит никакому сомнению, что, несмотря на все, Тыгын был для своего времени носителем определенной тенденции к объединению якутских родов и к своего рода «собираанию» их земель в одно целое. Такое объединение, если бы оно оказалось реальным, было бы для того времени крупным шагом вперед и прогрессивным явлением, так как оно содействовало бы прежде всего ограничению кровавых междоусобий, некоторому обузданию особенно яростных грабителей-тойонов, а затем и консолидации сил народа в целом, осознанию общенародных интересов и межплеменных связей. Несомненно и то, что временные успехи Тыгына оставили глубокий след в народной памяти и в сознании, заметный даже спустя три века. Не кто иной, как кангаласский Тыгын превратился со временем, в XIX в., в живой образ и символ общеплеменного единства якутов, а легенды о нем стали самыми популярными фольклорными сюжетами не только в центральной Якутии, но даже и на берегах озера Ессея — далеко к западу от Лены.

Но характерно, что такой популярности Тыгын достиг только впоследствии, спустя два-три века, а не в свое время. Этот факт находит свое объяснение в общем ходе исторического процесса на территории Якутии и в свою очередь помогает глубже понять последний. В определенных условиях деятельность Тыгына могла бы, конечно, привести к известной консолидации старых племенных групп, к реставрации древнего племенного союза или даже к возникновению еще более прочного единства в виде настоящего государственного объединения варварского типа. Но в данной обстановке полностью отсутствовала реальная основа для поворота событий и в ту и в другую сторону.

К старому возврату не могло быть, потому что прежние условия, обеспечивавшие устойчивость старого племенного союза, исчезли. Для перехода же на новый, более высокий этап еще не было необходимой

экономической почвы. Скотоводческое хозяйство якутов оставалось первобытным по характеру и застойным по технике: так, например, из всех народов Сибири и Центральной Азии только они одни, кажется, сохранили специфический способ возбуждения коров при дойке для увеличения количества молока, описанный античными путешественниками у скифов Причерноморья задолго до начала нашей эры. Ремесло, исключая, отчасти кузнечное дело, не выделилось в особую отрасль производства — время второго великого общественного разделения труда для якутов не наступило. Торговля имела характер случайного и первобытного по форме обмена; настоящего рынка не было еще и в помине. Чисто экономические, хозяйственные связи были, следовательно, слишком слабы и ничтожны, чтобы обеспечить длительное и глубокое единство различных племен. Центробежные же стремления слишком крепко коренились как в экономике, так и в патриархально-родовом укладе с его волчьим законом кровавой мести и вражды к чужеродцам. Для того, чтобы все эти препятствия были, наконец, ликвидированы изнутри, нужна была, вероятно, не одна сотня лет. Да и то, конечно, еще остается неясным, как скоро удалось бы или даже вообще удалось ли бы племенам Якутии в изоляции от других более передовых народов и культур одними только своими собственными силами подняться на более высокую ступень, — ведь, как известно, якутов со всех сторон окружали еще более отсталые, чем они сами, племена тайги и тундры. Эти глубокие внутренние причины и привели, в конечном счете, к полному крушению объединительных усилий Тыгына, стоявшего на почве умирающих древних традиций, а не современной ему действительности и будущего.

Трагедия Тыгына была трагедией не только его личной жизни и судьбы, но и всего уходящего в прошлое якутского патриархально-родового общества. Подлинная трагедия Тыгына заключалась, таким образом, вовсе не в том, что он был будто бы сломлен мощью русских завоевателей и пал в неравной борьбе за независимость своего народа, а в том, что он в своих личных целях защищал реакционное дело, осужденное ходом истории. Трагедия Тыгына заключалась в том, что Тыгын в кровавой и безнадежной борьбе со своим собственным народом напрасно стремился вернуть его назад — к пройденному уже историческому этапу, тщетно хотел реставрировать разваливавшийся племенной союз, подтачиваемый развитием экономики и классовых отношений, в том, что Тыгын шел не вперед, а назад!

В свое время контрреволюционные буржуазные националисты, стремившиеся оторвать якутский народ от его великого собрата — русского народа, пытались сделать «старца Дыгына» своим знаменем. Новые данные кладут конец буржуазно-националистическим легендам о Тыгыне. Они впервые показывают эту во многих отношениях выдающуюся и замечательную личность, до сих пор окутанную романтической фантастикой и националистическим вымыслом, в ее подлинном виде.